

Интервью с историком Энтони Бивором, посвященное 70-летию Сталинградской битвы (29 августа 2012 г.)

Энтони Бивор (род. в 1946 г., на фото слева <http://www.rferl.org/content/antony-beevor-stalingrad-courage-and-coercion/24692209.html>) - автор многих трудов о ВМВ, в том числе, “Stalingrad” (1998) и “Berlin - the Downfall” (2002). В русскоязычном мире бóльшую известность приобрела вторая книга, в которой автор явно необоснованно сфокусировал свое внимание на теме многочисленных изнасилований советскими солдатами немецких женщин. Тем не менее, он, прежде всего, - талантливый историк, сыгравший значительную роль в том, что тема Восточного фронта заняла заслуженное место в западной историографии ВМВ. 29 августа 2012 г. он дал интервью корреспонденту радиостанции Свободная Европа Койлину О’Коннору (Coilin O’Connor) в связи с наступающим 70-летием Сталинградской Битвы.

К.О.: Считаете ли вы, что книги, подобные вашей, помогли, в определенной степени, воссоздать историю ВМВ, другими словами, до 1970-х историография войны была в англоязычном мире была сфокусирована на Западном фронте, тогда как Восточный фронт не получил должного внимания. Изменилось ли на Западе отношение к войне в какой-то степени?

Э.Б.: Я именно так и считаю. И это не только вопрос Восточного фронта, который, я полагаю, самым скандальным образом игнорировался западными историками. Кроме того, частично это было связано с режимом секретности, который Советский Союз поддерживал в годы Холодной Войны, не допуская западных историков к своим архивам.

К.О.: Как бы вы оценили Сталинградскую Битву с точки зрения ее значения для дальнейшего хода и итогов ВМВ?

*Э.Б.: Суть заключается в том, что Сталинградская Битва была в психологическом плане поворотной точкой войны. И красноармейцам, и немецким солдатам стало понятно, что отныне фронт будет двигаться на запад, и рано или поздно Берлин испытает на себе то, что испытал Сталинград. Я думаю, это знаменательно, что даже сейчас на Рейхстаге вы можете прочесть написанные русскими солдатами слова *Сталинград-Берлин*. Эти два города были крепко связаны друг другом в их мыслях. Припоминаю, что меня больше всего поразили слова старого русского полковника, который, указывая рукой на окружающие руины, начал кричать на немецких военнопленных, уходящих под конвоем на обмороженных ногах из Сталинграда: «Вот так будет выглядеть Берлин!» Я думаю, что эта связь между Сталинградом и Берлином крепко засела у всех в головах. Сталинград четко обозначил следующее: Германия определенно проиграет войну.*

К.О.: Насколько были связаны между собой ожесточенность и бесчеловечность Сталинградского сражения и тот факт, что друг другу противостояли армии двух тоталитарных режимов?

Э.Б.: Я не думаю, что какая-либо западноевропейская армия смогла бы устоять в Сталинграде. Сражение потребовало действительно жесточайшего уровня дисциплины для того, чтобы солдаты стяли насмерть, особенно во время раннего периода сражения, когда на самом деле казалось, что все вот-вот развалится. На поверхность всплыл такой факт: около 13500 советских военнослужащих были казнены своими же, – обычно это были части СМЕРШа или специальные

войска НКВД – в ходе сражения. Из них состояли заградительные отряды, не допускающие отхода с оборонительных позиций. Это была невероятная смесь храбрости и принуждения. Были ужасающие донесения о том, что иногда солдат даже не могли толком казнить, так как в расстрельных командах были пьяные, или были какие-то другие причины. Бывало, люди выбирались из неглубоких могил, в которые их бросали, только для того, чтобы быть расстрелянными еще раз. Во всем этом были действительно ужасающие моменты...

Но не следует делать обобщения на основе этих невероятных контрастов. Нельзя говорить о том, что защитники Сталинграда держались только под давлением жесточайшей дисциплины. За этим стояли вера в идеалы и воля к борьбе – все это вместе с поразительной степенью самопожертвования. Как я уже сказал, я не думаю, что какая-либо армия западной державы, будь то британская, французская или американская – смогла бы устоять в Сталинграде или удержат западный берег Волги, в отличие от Красной Армии, которая сделала это.

К.О.: Когда я читал вашу книгу о Сталинграде, я был удивлен, узнав, что на стороне немцев сражалось много русских...

Э.Б.: В общей сложности около миллиона русских или бывших советских граждан служили немцам тем или иным путем. Большинство из них называли *Hiwis - Hilfswilliger* [по-немецки – желающие помогать] – добровольные помощники. Во многих случаях они не были добровольцами. Разными способами их рекрутировали из числа военнопленных, которые умирали с голода и которых обещали накормить. Их во многих случаях использовали, по сути дела, как выючных животных, в том числе, для рытья траншей.

Многие из них, находясь в Сталинградском котле и зная о том, что их расстреляют свои же, брались за оружие и воевали против своих бывших товарищей. Судьба этих людей определенно не освещалась архивными документами. Я слышал, что многих из них даже не расстреливали, а просто забивали до смерти, так как считалось, что на них незачем тратить патроны... Говорят, некоторых из них заставляли ложиться на дорогу и давили танками. Само собой, месть, обрушившаяся на этих людей, была жесточайшей. И это не исходило от советского командования. Это было следствием чувств, которые были типичны для большинства солдат Красной Армии в то время. Солдаты видели в этих людях мерзких предателей и поэтому охотно участвовали в уничтожении *Hiwis* и русских в немецкой форме.

К.О.: С учетом того, что военно-промышленные объекты Сталинграда к тому времени уже были в той или иной степени разрушены, и Германия уже контролировала обширные пространства советской территории, что заставляло немцев прилагать столько усилий к захвату города? Имело ли военный смысл столь яростное желание захватить Сталинград?

Э.Б.: Нет, совершенно никакого... Только тогда, когда Гитлер начал сомневаться в том, что ему удастся достичь основной цели – захвата кавказских нефтяных промыслов, он, в своей типичной манере, переключил свое внимание на достижение символической, а не реальной, если хотите, - военно-стратегической цели. И Сталинград, поскольку он носил имя Сталина, мог, по меньшей мере, символизировать победу.

Так как Сталинград стоял на Волге, так как город носил имя Сталина, Гитлер стремился к захвату этого города любой ценой. Так оно и тянулось день за днем. Я имею в виду тот самый катастрофический момент в ноябре 1942-го, когда, по сути дела, судьба 6-й Армии была решена, и Гитлер отдал Паулюсу приказ предпринять последнюю попытку захватить город и даже отдал ему приказ использовать танковые экипажи в качестве пехоты. Это было уже было полным безумием...

К.О.: Действительно ли Сталинград психологически разрушил Гитлера?

Э.Б.: Я думаю, это был в психологическом плане поворотный пункт для всех. Стало заметно, что нацистская пропаганда неожиданно отошла от обещаний окончательной победы и начала угрожать немцам последствиями поражения. Стало вполне очевидно, что после всего того, что они натворили в Советском Союзе, месть будет ужасной. По этой причине немцам ничего не оставалось как сражаться до конца.

К.О.: Другим аспектом Сталинграда, который особенно заинтересовал меня, стало участие женщин в боевых действиях, при этом многих – на передовой. Было ли это особенностью Сталинградского сражения?

Э.Б.: Нет, это не было характерным исключительно для этой битвы. На самом деле, забавным является то, что значительно большее количество женщин воевало в последующих сражениях. В Сталинграде было много женщин, воевавших с невероятной отвагой. Это были в основном девушки, только что окончившие среднюю школу и служившие санитарками, которые вытаскивали раненых мужчин с поля боя. Многие из них погибли. Они демонстрировали высочайший уровень храбрости для молодых женщин этого возраста.

Другие из них служили в авиации – немцы называли их «ночными ведьмами». Это были молодые женщины, служившие в полку, который летал на маленьких бипланах. Пилоты этих машин выключали моторы и планировали над немецкими позициями, сбрасывали бомбы, включали моторы и улетали. Было определенное количество – в реальности, очень небольшое – женщин, которые служили в танковых частях.

Но в Сталинграде не было женщин-снайперов. Я боюсь, в этом плане содержание фильма *Враг у Ворот* (*Enemy at the Gates - 2001*), в котором женщины воюют в качестве снайперов (одну из них играет актриса Rachel Weisz), не соответствует действительности. Женщины-снайперы появились позднее. Первая школа снайперов для женщин открылась в феврале 1943 г., сразу же после Сталинградского сражения. После этого появилось значительное количество женщин-снайперов, и в самом деле служивших на многих фронтах.

К.О.: Не раздражает ли вас то, как Сталинградское сражение изображается в массовой культуре в последние годы, как, например, в фильме «Враг у Ворот» или в невероятно популярной компьютерной игре «По Зову Долга» (Call of Duty)? Не кажется ли вам, что они прививают неверное восприятие событий этого сражения? Или, возможно, они, в какой-то степени, помогают возбудить интерес к данному предмету...

Э.Б.: Ну, я полагаю, Сталинград стал довольно важным символом. Я не выношу использование определения *культовый* (iconic), но в этом есть элемент культа, частично из-за того, что это было жесточайшим сражением в городских условиях. И, я полагаю, оно имеет кинематографический потенциал, также по отношению к снайперской войне и ко всему остальному.

Сталинград стал грандиозным мифом. Режиссер фильма *Враг у Ворот* Жан-Жак Анно (Jean-Jacques Annaud) как-то сказал мне: «Энтони, кто может сказать, где начинается миф и кончается правда?» Я не знаю, насколько это является оправданием игр вокруг истории и разговоров о том, что история совершенно эластична. Я боюсь, одной из проблем является то, что потребности Голливуда и индустрии развлечений с одной стороны и истории с другой совершенно несовместимы.

К.О.: Существует ли значительная разница в восприятии Сталинграда в России, Германии и в других странах?

Э.Б.: Я полагаю, обе стороны сходятся во мнениях о характере событий и их последовательности. Однако, совершенно очевидно, что существует огромная разница в подходах к оценке боевого духа и поведения обеих армий. Неизбежным является то, что каждая страна по-своему рассматривает различные стороны истории ВМВ.

Советской стороной (sic!) всегда подчеркивался героизм [своих солдат]. Вы едва ли найдете заметные упоминания о принуждении, о силовом насаждении дисциплины, о заградотрядах в каком-либо вышедшем в России историческом исследовании. В книгах, вышедших в Германии, вы едва ли найдете много информации том, что выпало на долю гражданского населения, оказавшегося под немцами. То есть, неизбежно имеют место уязвимые точки, которые игнорируются обеими сторонами...

Для русских Сталинград является величайшим символом русского героизма и выдающегося вклада Советов в победу над фашистским зверем. В этом плане российская пропаганда очень мало отличается от советской. Я думаю, что наследие Сталинграда для немцев заключается в восприятии этой битвы в существенной мере как трагедии. Почти каждая немецкая книга на эту тему включает в себя слово *трагедия* где-то в подзаголовке. И, конечно же, с немецкой точки зрения, это были: трагедия, обрушившаяся на народ Германии из-за Гитлера, из-за его одержимости и маниакальности, и поражение, которого можно было избежать.

К.О.: По вашему мнению, какое наследие Сталинграда имеет значение сейчас, 70 лет спустя?

Э.Б.: Я не думаю, что его наследие, если хотите, обязательно должно помочь в настоящем, поскольку эта битва стала просто символом... Есть тенденция к тому, что это наследие, как и многие другие исторические параллели, используется неверно. Например, перед войной в Ираке со мной вступали в контакт почти все британские газеты. Это было просто поразительно – мне звонили по очереди из каждой и спрашивали, не хочу ли я написать статью о том, что битва за Багдад становится чем-то похожим на битву за Сталинград. И мне приходилось раз за разом объяснять, что ничем подобным битва за Багдад не будет. Но вот так, я боюсь, очень часто применение исторических параллелей становится обязательным, потому что люди очарованы историей и почему-то думают, что история повторяет саму себя. История никогда не повторяет саму себя.

Я думаю, мы все видели, как некоторые политические лидеры, такие как Джордж Буш, сравнивали теракт 9/11 с Перл-Харбором, или как Тони Блэр пытался сравнить Саддам Хусейна с Гитлером. Опасность параллелей со ВМВ такова, что эта война становится доминирующим ориентиром, и это очень опасно, потому что оказывает влияние на стратегию, а СМИ имеют тенденцию к следованию этому. Удивительно то, что газеты любят мыслить легковесными, прямолинейными параллелями, которыми они нагружают читателей, и эти параллели, в реальности, всегда совершенно сбивают с толку и очень опасны.

<http://www.rferl.org/content/antony-beevor-stalingrad-courage-and-coercion/24692209.html>